

Александр Гарцев

Лавина перемен
Книга 2

Александр Гарцев

Лавина перемен книга 2

«Автор»

2026

Гарцев А.

Лавина перемен книга 2 / А. Гарцев — «Автор», 2026

Вторая часть дилогии известного сетевого писателя Александра Гарцева "Лавина перемен" - это роман о том, как рушатся старые миры и рождаются новые. 1992 год. Советский Союз рухнул, оставив после себя пепел надежд и руины иллюзий. Уральский город N, который четыре года назад был ареной борьбы за справедливость, теперь задыхается в тисках новой эпохи: завод умирает, рабочие теряют зарплату, а в опустевшие кабинеты власти врываются хищники капитализма, готовые продать всё, что не приколочено гвоздями.*Александр Власов, глава района, выиграл прежнюю битву, но война только начинается. Он стоит перед выбором, который определит его судьбу: пойти на сделку с областной элитой и спасти завод ценой собственной души, предать тех, кто в него верил, или остаться собой — и потерять всё.

© Гарцев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. «Пепел»	6
Глава 2. «Приезжие»	10
Глава 3. «Цифры»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Александр Гарцев

Лавина перемен книга 2

От автора

Судьба человека во власти всегда интересовала меня как социально – психологическая проблема. Проблема, принимающая порой важное общественное звучание. Ведь это не только судьба человека – это шире, сложнее, значительнее...

В первой книге дилогии «Лавина перемен» молодой инженер Александр Власов приезжает по распределению в уральский город N, где сталкивается с воровством, дефицитом и равнодушием.

Его честность становится оружием, а борьба за справедливость приводит его к власти, о которой он не мечтал.

Но цена этой власти — душа, которую он рискует потерять. «Лавина перемен» — роман о переломной эпохе, о людях, которые меняли страну, и о том, что иногда, чтобы изменить мир, нужно изменить себя.

Вторая книга под названием «Цена» — это роман о том, как рушатся старые миры и рождаются новые.

О том, как человек остаётся человеком, даже когда всё против него.

О том, что настоящая власть — это не кресло, а крест, который несут те, кто выбирает служение, а не корысть.

Глава 1. «Пепел»

Январь 1992 года. Урал задыхался в ледяном плену. Мороз стоял под сорок — не тот сухой, колючий мороз, который бодрит, а сырой, липкий, пронизывающий до костей, от которого не спасали ни ватные штаны, ни старые тулупы. Снег лежал серый, слежавшийся, с чёрными пятнами копоти и мазута. Город N казался вымершим: окна в панельных пятиэтажках горели тускло, редкие прохожие двигались, сгорбившись, втянув головы в плечи, и даже собаки не лаяли — они сидели у подъездов, сбившись в стаи, и грели друг друга дыханием. Трубы комбината дымили в белесое, вымороженное небо густо, чёрно, но в этом дыме не чувствовалось прежней силы — он поднимался вяло, будто завод сам еле дышал, как больной, у которого уже не осталось сил на борьбу. Тишина стояла такая, что слышно было, как снег скрипит под ногами за километр. И в этой тишине витало что-то страшное, древнее — ощущение, что мир, который держался семьдесят лет, наконец-то рухнул, и под его обломками мы все будем погребены.

Александр Власов не спал уже третью ночь. Он лежал на спине, глядя в потолок — тот самый, с сырым пятном в форме Камчатки, которое он видел ещё в общежитии. Но теперь он лежал не в общежитии. Теперь он лежал в своей квартире, в своей постели, в своём доме. И при этом чувствовал себя таким же чужим, как в первый день.

Рядом, на своей половине кровати, спала Елена. Она дышала ровно, глубоко, но это был не сон — это было бегство. Она научилась отключаться от реальности, как отключают рубильник, и это умение теперь спасало её. Он знал, что она не спит. Она просто притворяется, чтобы не говорить с ним. Чтобы не задавать вопросы, на которые у него не было ответов.

Телефон зазвонил в четыре утра. Резкий, надрывный звонок, от которого вздрогнула даже Елена — она приоткрыла один глаз, но не повернулась.

Александр снял трубку. Толстый, чёрный аппарат, ещё советский, с вертушкой, который он так и не сменил.

— Власов, — сказал он хрипло.

В трубке зашипело, потом раздался голос — знакомый, но надломленный, будто сломанная пружина.

— Саша, — сказал Виктор Ильич Савченко. — Приезжай. Срочно.

— Что случилось? — Александр сел на кровати, прижимая трубку к уху. В груди заколотилось — не от страха, от дурного предчувствия. Он знал этот голос. Он слышал его в самые страшные дни — в августе 91-го, когда шли танки, когда мир рушился. И тогда голос был стальным. А сейчас — он звенел, как натянутая струна, готовая лопнуть.

— Приезжай, — повторил Савченко. — Завод умирает, Саша. Я не справляюсь.

И повесил трубку.

Александр поставил телефон на тумбочку и посмотрел в темноту. Елена повернулась к нему — она всё-таки не спала.

— Саша, — сказала она тихо. — Опять завод?

— Да, — ответил он, уже вставая. — Что-то случилось. Я должен ехать.

— Ты всегда должен ехать, — сказала она, и в голосе её не было злости. Была только усталость — та самая, которая накапливается годами, капля за каплей. — Когда ты перестанешь быть главой района и станешь мужем? Когда ты увидишь, что твой сын растёт без тебя?

Александр замер. Он посмотрел на неё — на её бледное лицо, на круги под глазами, на тонкие морщинки, которые появились за последний год. Она выглядела старше своих тридцати. Она выглядела так, будто несла на себе вес, который был ей не по силам.

— Лен, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал мягко, — я не могу бросить завод. Ты знаешь. Если завод рухнет — рухнет весь район. Тысячи людей останутся без работы.

— А мы? — спросила она, и голос её дрогнул. — Мы останемся без тебя. Ты думаешь, Мише нужен район? Ему нужен отец.

В соседней комнате заплакал ребёнок — маленький, надрывный плач, от которого у Александра сжалось сердце. Он хотел пойти туда, взять сына на руки, успокоить. Но он знал: если он сейчас пойдёт туда, он не сможет уйти. Он останется. И завод умрёт.

— Я вернусь, — сказал он, надевая рубашку. — Я обещаю.

— Ты всегда обещаешь, — ответила она, отворачиваясь к стене. — Но ты никогда не возвращаешься.

На улице было темно. Фонари горели тускло, через один, и их свет падал на снег жёлтыми пятнами. Александр шёл к проходной быстрым шагом, вдыхая морозный воздух, который обжигал лёгкие. Город спал, но где-то вдалеке уже гудели машины — первые грузовики, которые везли уголь на комбинат. Он знал, что через час начнётся смена, что люди выйдут на работу, не зная, получают ли зарплату.

Он вспомнил тот день, четыре года назад, когда он впервые вошёл в этот цех. Тогда он был молодым, горячим, полным надежд. Он верил, что может изменить мир. Теперь он знал: мир не меняется. Он просто перекрашивается в другие цвета.

На проходной его встретил охранник — старый, седой, с вечно хмурым лицом.

— Товарищ Власов, — сказал он, козырнув. — Виктор Ильич ждёт вас в кабинете. Уже час как сидит.

— Спасибо, — ответил Александр, проходя через турникет.

Административный корпус был тёмным. Горели только дежурные лампы, и их свет падал на стены, создавая длинные, причудливые тени. Александр поднялся на третий этаж, прошёл по коридору, который когда-то казался ему таким длинным, таким торжественным. Теперь он был пустым, как старый склеп.

Дверь в кабинет Савченко была приоткрыта. Александр толкнул её и вошёл.

Виктор Ильич сидел за своим столом — тем самым, дубовым, массивным, который он так любил. Но сейчас он выглядел иначе. Он выглядел старым. Лицо его было серым, с синевой под глазами, руки дрожали, и перед ним стояла недопитая рюмка коньяка.

— Садись, Саша, — сказал он, не поднимая глаз. — Садись и слушай. Я тебе сейчас такое скажу, что ты, может быть, не захочешь слушать.

Александр сел на тот самый жёсткий стул, на котором он сидел четыре года назад, когда Савченко впервые предложил ему профком. Тогда он был напуган и полон надежд. Теперь он был спокоен — той холодной, ледяной спокойностью, которая приходит, когда теряешь уже всё.

— Что случилось, Виктор Ильич? — спросил он.

Савченко поднял глаза. В них не было той стальной искры, которую Александр помнил. Только тусклая, усталая печаль.

— Завод умирает, Саша, — сказал он. — Рынки открылись. Китайцы и поляки заваливают наш Урал дешёвым металлом. Наш комбинат никому не нужен. Мы производим в три раза дороже, чем продаём. Мы на грани банкротства.

— Есть способы спасти, — сказал Александр. — Мы можем перепрофилироваться, найти инвесторов...

— Инвесторов? — усмехнулся Савченко, и усмешка его была горькой. — Саша, я уже нашёл инвесторов. Они сидят в Москве и ждут, пока я подпишу бумаги. Но они не спасут завод — они его убьют. Они хотят купить его по частям, снять оборудование, продать землю. Они не хотят, чтобы здесь работали люди. Они хотят, чтобы здесь были деньги.

Он замолчал, налил себе ещё коньяку и выпил залпом.

— Я не могу этого допустить, — сказал он. — Но я не знаю, как это остановить.

Александр молчал. Он смотрел на Савченко — на того самого человека, который когда-то был для него символом нестигаемой воли. И видел перед собой просто уставшего старика.

— Виктор Ильич, — сказал он медленно, — мы найдём выход. Я знаю, что можно сделать. Я поговорю с областью, с депутатами, с рабочими...

Савченко поднял на него глаза. В них мелькнула та самая стальная искра — на миг, на одно мгновение.

— Ты хороший человек, Саша, — сказал он. — Ты всегда был хорошим. Но мир больше не нуждается в хороших людях. Ему нужны те, кто умеет убивать.

Он встал из-за стола, подошёл к окну. За стеклом было темно, только вдалеке горели огни комбината — редкие, тусклые.

— Я болен, Саша, — сказал он, не оборачиваясь. — Врачи сказали — рак. Мне осталось полгода, может быть, год. Мой сын, Пётр, узнал об этом. Он уже едет сюда. Он хочет продать завод, пока я жив. Я не могу ему помешать — у меня больше нет сил. Но ты можешь. Ты должен помешать ему.

Александр почувствовал, как внутри него что-то обрывается. Он знал Петра Савченко — молодого, циничного, с холодными глазами. Он слышал о нём от рабочих: «Сынок директора, в Афгане был, с пулей дружит, с деньгами тоже». Он понимал, что если Пётр возьмёт завод — это будет конец. Конец всему.

— Я сделаю всё, что смогу, — сказал Александр. — Я не дам ему продать завод.

Савченко обернулся. В его глазах стояли слёзы — впервые за всё время, что Александр его знал.

— Спасибо, Саша, — сказал он. — Ты — мой последний шанс.

Он протянул руку, и Александр пожал её. Рука была холодной и слабой — совсем не такой, как четыре года назад.

Александр вышел из кабинета и прислонился к стене. В груди колотилось сердце, но руки были холодными. Он смотрел на пустой коридор, на портреты, которые когда-то висели здесь, и думал о том, что ему предстоит сделать.

Он должен был спасти завод. Но для этого ему нужно было бороться с Петром Савченко — человеком, который не остановится ни перед чем. И у него не было ни ресурсов, ни времени, ни поддержки — только честность, которая уже не была его главным оружием.

Он вышел на улицу. Снег всё падал — мелкий, колючий, и ветер гнал его в лицо. Он шёл по городу, мимо спящих домов, и вдруг понял, что этот город — его жизнь. Что он не может его бросить. Что если он уйдёт — он предаст всё, за что боролся.

Дома его ждала Елена. Она не спала — сидела на кухне, пила чай, и перед ней стоял нетронутый ужин.

— Я слышала, как ты вошёл, — сказала она, не поднимая глаз. — Савченко болен?

— Да, — ответил он, садясь напротив. — Рак. Он умирает.

— А его сын?

— Пётр едет сюда. Он хочет продать завод.

Елена подняла на него глаза. В них была та же усталость, но теперь к ней добавилось что-то ещё — понимание.

— Ты будешь с ним бороться, — сказала она. — Я знаю. Ты не сможешь не бороться.

— Я должен, — ответил он. — Если я не сделаю этого — район умрёт.

Она встала, подошла к нему, обняла его плечи.

— Я знаю, — сказала она шёпотом. — Я всегда знала, что ты не будешь моим. Ты всегда будешь принадлежать этому городу. Этим людям. Этим трубам.

Он хотел что-то сказать, но она приложила палец к его губам.

— Не говори ничего, — сказала она. — Просто обещай мне одно: когда это закончится, ты вернёшься. Не к заводу — ко мне. К сыну. Обещаешь?

Он взял её руки в свои. Они были тёплыми.

— Обещаю, — сказал он.

И в этот момент за окном начал падать снег — сильнее, гуще, застилая всё вокруг белой пеленой. Город засыпал, не зная, что завтра начнётся новая битва. И Александр Власов стоял у окна и смотрел на этот снег, зная, что он будет идти до конца. До самого конца.

Глава 2. «Приезжие»

Февраль 1992 года. Урал примерял весну, но делал это неловко, как старый солдат, который пытается надеть гражданский костюм. Днём солнце пригревало, снег оседал, превращаясь в серую, мокрую кашу, по которой хлюпали сапоги. По ночам снова подмораживало, и лужи покрывались хрупким льдом, который хрустел под ногами, как старая бумага. Воздух пах сыростью, прелой листвой и чем-то сладковатым — то ли начинали набухать почки, то ли где-то в городе уже топили бани, и дым от них смешивался с заводской гарью. Город жил своей обычной жизнью: очереди у магазинов, пустые прилавки, разговоры о том, что цены опять выросли. Но в этом привычном отчаянии появилась новая нота — люди начинали обсуждать приватизацию, акции, частные фирмы. Слова, которые ещё год назад звучали как брань, теперь произносились с надеждой. Или с отчаянием — понять было сложно. Над всем этим висела та особая, предвесенняя тревога, когда природа уже дышит теплом, но земля всё ещё мерзлая, и кажется, что вот-вот что-то случится. Что-то, что изменит всё.

Александр стоял на перроне вокзала и смотрел на рельсы, уходящие в туман. Поезд из Москвы опаздывал на два часа, и это было привычным делом в этом городе — поезда всегда опаздывали, как будто само время здесь текло медленнее. В руке он держал папку с документами — список поручений от Трофимова, которые нужно было выполнить в первую очередь. Среди них было несколько «просьб», которые заставляли его внутренне напрягаться: выделить землю под строительство торгового центра, дать льготы компании «Урал-Инвест», поддержать на выборах кандидата от новой партии. Он знал, что эти «просьбы» — тест. Проверка на лояльность. И от того, как он на них ответит, зависит не только его карьера, но и судьба района.

Сзади слышались шаги. Кто-то подошёл, и холодный ветер принёс запах дорогих духов — не тех, которыми пахло в магазинах города, а других, московских, с тонкими, уловимыми нотками.

— Товарищ Власов? — раздался женский голос. Молодой, уверенный, с лёгкой картавостью, которая выдавала московскую выучку.

Александр обернулся. Перед ним стояла девушка — худощавая, с короткой стрижкой и острыми чертами лица. На ней было модное пальто, явно дорогое, и сапоги на тонком каблуке, которые совершенно не подходили для уральского февраля. Она смотрела на него с любопытством — как на экспонат в музее.

— Анна Рязанова, — представилась она, протягивая руку. — Госкомитет по экономическим реформам. Назначена куратором вашего региона. Слышала, вы здесь главный.

Александр пожал её руку. Рука была сухой, тёплой, с крепким рукопожатием, которое не соответствовало её хрупкой фигуре.

— Александр Власов, — сказал он. — Добро пожаловать в город N, Анна Сергеевна. Надеюсь, ваше путешествие было комфортным.

— Комфортным? — усмехнулась она, поправляя воротник. — В плацкартном вагоне, с попутчиками, которые пили водку до самого Перми? Это было, скорее, приключение. Но я не жалуюсь — я здесь по делу. У нас есть о чём поговорить.

— О чём же? — спросил Александр, чувствуя, как внутри него закипает холодное напряжение. Он уже знал, о чём она хочет поговорить — о реформах, о приватизации, о том, что его завод никому не нужен. Но он хотел услышать это из её уст.

— О вашем заводе, — сказала она, глядя ему прямо в глаза. — О том, что он стоит на грани банкротства и что мы должны принять непростые решения. Но не здесь, не на перроне. У вас есть кабинет?

— Есть, — ответил Александр. — Пойдёмте.

Он взял её чемодан — лёгкий, дорогой, с тиснёным клеймом — и они пошли к выходу. Снег хрустел под ногами, и Александр чувствовал, как на него смотрят прохожие — не на него, на неё. На эту странную женщину, которая приехала из Москвы, чтобы менять их жизнь.

Кабинет Власова был простым: старый стол, несколько стульев, шкаф с папками. На стене висела карта района, которую он сам развесил ещё в 91-м, когда стал главой. Анна осмотрела кабинет с любопытством, как человек, который привык к просторным кабинетам и мягким креслам.

— У вас скромно, — заметила она, садясь на стул. — Я ожидала более... торжественной обстановки. Говорят, вы здесь хозяин.

— Я не хозяин, — ответил Александр, садясь напротив. — Я служу людям. Это моя работа.

— Ваша работа, — повторила она, и в голосе её прозвучала лёгкая ирония. — Александр Сергеевич, я хочу сразу перейти к делу. Ваш завод не рентабелен. Мы изучили его финансовые показатели — они ужасны. Комбинат производит металл по цене, которая в два раза выше рыночной. У вас нет модернизации, нет инвесторов, нет стратегии. Вы держитесь только за счёт старых связей и дотаций из областного бюджета. Но дотации заканчиваются. Мы должны принять решение: либо вы начинаете реформы прямо сейчас, либо завод будет закрыт.

Она говорила быстро, уверенно, как человек, который привык к тому, что её слушают и соглашаются. Александр смотрел на неё и думал о том, что она, наверное, никогда не была в цеху, никогда не видела, как плавится сталь, никогда не разговаривала с рабочими, которые не знают, смогут ли купить хлеб завтра.

— Анна Сергеевна, — сказал он спокойно, — я понимаю вашу позицию. Но вы должны понять мою. Завод — это не просто производство. Это три тысячи человек, которые живут в этом городе. Если завод закроется — они останутся без работы, без зарплаты, без надежды. Вы предлагаете реформы. Хорошо. Но какие? Продать завод по частям? Уволить людей? Я не могу этого допустить.

— А что вы можете? — перебила она, и в голосе её прозвучала сталь. — Вы можете найти инвестора, который вложит деньги в модернизацию? Вы можете сократить затраты в два раза? Вы можете убедить рабочих работать за половину зарплаты, чтобы завод не закрылся? Я не вижу у вас плана. Я вижу только желание сохранить статус-кво.

Александр замолчал. Он знал, что она права — у него не было плана. У него была только вера, что он сможет найти выход. Но вера — это не стратегия.

— Дайте мне время, — сказал он. — Месяц. Я найду решение.

— Месяц, — усмехнулась она. — Хорошо. У вас есть месяц. Но если вы не найдёте решение — я буду вынуждена доложить в Москву. И тогда решение примут без вас.

Она встала, поправила пальто и направилась к двери. Уже на пороге она обернулась:

— Александр Сергеевич, я не враг. Я хочу помочь вашему городу. Но помочь — это не значит сохранить всё, как есть. Это значит признать, что старая система умерла. И строить новую.

Она вышла, оставив за собой запах московских духов. Александр остался сидеть за столом, глядя на карту района, которая висела на стене. Он смотрел на эти серые пятиэтажки, на трубы комбината, на реку, которая разделяла город на две части, и думал о том, что она права. Но он не мог сдаться. Он слишком много вложил в этот город.

Вечером он вернулся домой. Елена уже уложила Мишу спать и сидела на кухне, листая старую книгу — «Анну Каренину», которую она перечитывала уже в третий раз.

— Ну что, — спросила она, не поднимая глаз, — как прошла встреча с московской гостьей?

— Она сказала, что завод умрёт, если мы не начнём реформы, — ответил Александр, снимая пальто. — Она права. Но я не могу её слушать.

Елена закрыла книгу и посмотрела на него. В её глазах была та же усталость, но теперь к ней добавилось что-то новое — что-то похожее на понимание.

— Ты боишься, Саша, — сказала она. — Ты боишься, что если начнёшь реформы — ты предашь тех, кто в тебя верил. Но если ты не начнёшь — ты предашь их ещё сильнее. Они останутся без работы.

— Я знаю, — ответил он, садясь напротив. — Но я не знаю, как быть.

— А ты спроси у них, — сказала она. — У своих, у своей заводской группы поддержки. Собери их, скажи, как есть. Они всегда были твоей опорой. Может быть, они подскажут.

Она была права. Он снова не видел очевидного. Он думал о реформах, о Москве, о Трофимове, о Петре Савченко — но забыл о тех, кто был с ним с самого начала.

На следующий день он собрал активистов своей заводской группы поддержки, которые помогли ему в свое время в борьбе с партократами.

Собрал всё в том же подвале, где они встречались четыре года назад. Стало темнее, сырее — трубы прохудились, и стены были в мокрых разводах. Но люди пришли. Семён Дронов, Ваня Корешков, бабка Марья — она держалась за сердце, но пришла. И другие — те, кто верил в него, кто стоял за ним в самые трудные дни.

— Друзья, — сказал Александр, стоя на ящике из-под болванок, как когда-то. — Завод умирает. Москва предлагает реформы — продать производство, сократить людей. Я не знаю, что делать. Я хочу спросить у вас.

В подвале было тихо. Слышно было, как капает вода с трубы. Потом встал Семён Дронов.

— Саша, — сказал он, — мы с тобой с самого начала. Мы знаем, что ты не предашь. Мы пойдём за тобой, что бы ты ни решил. Но если ты решишься на реформы — мы поддержим.

— Поддержим, — сказал Ваня Корешков. — Мы видели, как ты строил сауны, как воевал со Стрижаком. Мы не бросим тебя.

Александр смотрел на них — на их усталые, добрые лица — и чувствовал, как внутри него тает лёд. Они не боялись перемен. Они боялись только одного — что он их бросит.

— Я не брошу вас, — сказал он. — Я найду решение. Даже если придётся идти против Москвы.

В подвале раздались аплодисменты. Александр спустился с ящика и подошёл к Кузьмичу, который сидел в углу, курил и молчал.

— Ну что, паря, — сказал старик, выпуская дым в потолок, — ты решил идти на войну с новой системой?

— Я решил идти до конца, — ответил Александр.

— Молодец, — сказал Кузьмич, и в его мутных глазах блеснула искра. — Только запомни: новая система — она не заставит тебя молчать. Она заставит тебя говорить на её языке. Ты готов говорить на языке денег?

Александр не ответил. Но он знал, что Кузьмич прав. Если он хочет спасти завод — он должен научиться говорить на этом языке. И это будет сложнее, чем любая борьба с бюрократами.

Ночью он сидел у себя в кабинете и смотрел на список «просьб» Трофимова. Земля под бизнес-центр. Льготы для компании «Урал-Инвест». Поддержка кандидата на выборах. Он знал, что если подпишет — он станет частью новой системы. Если не подпишет — завод умрёт.

Он взял ручку и посмотрел на неё. Та самая, золотая, от Стрижака. Она была холодной и тяжёлой. Он поднёс её к бумаге и замер.

«Что я делаю? — спросил он себя. — Я торгую совестью за жизнь завода. Это правильно? Я не знаю. Но я знаю другое: если я не подпишу — люди останутся без работы. А если подпишу — я смогу спасти их. Хотя бы на время».

Он поставил подпись. И почувствовал, как внутри него что-то перевернулось — не страшно, не больно. Просто ушло что-то важное, что-то, что держало его на плаву.

Он отложил ручку и подошёл к окну. Город спал, и только трубы комбината дымили в ночном небе. Он смотрел на этот дым и думал о том, что стал частью новой игры. И что выиграть в ней можно только одним способом — стать таким же холодным, как они.

«Я не стану таким, — сказал он себе. — Я сделаю это ради них. Ради города. Ради Лены. Я не стану таким».

Но он знал, что врёт самому себе. Потому что он уже стал. И этот новый человек, который смотрел на него из стекла, был ему почти незнаком.

Глава 3. «Цифры»

Март 1992 года. Весна всё никак не могла пробиться сквозь уральскую зиму. Снег таял медленно, нехотя, обнажая чёрную, мокрую землю, на которой ещё не пробивалась трава. Днём было сыро и зябко, по утрам лужи покрывались тонким льдом, который хрустел под ногами, как стекло. В воздухе пахло сыростью, прелой листвой и чем-то сладковатым — начали набухать почки на тополях, которые стояли вдоль главной улицы. Город просыпался медленно, как старик, который не хочет вставать с постели: магазины открывались с опозданием, очереди собирались у пустых прилавков, и в воздухе висела та особенная, предвесенняя тревога, когда кажется, что вот-вот что-то случится. Что-то, что изменит всё.

Александр стоял у окна своего кабинета и смотрел на площадь перед райсоветом. Там уже собирались люди — рабочие с комбината, депутаты, журналисты, просто зеваки. Сегодня должно было состояться собрание экономического совета, на котором Анна Рязанова должна была представить свой доклад о состоянии завода. Он знал, что этот день решит многое. Возможно, всё.

За спиной скрипнула дверь, и в кабинет вошла Анна. Она была в строгом костюме, с папкой документов под мышкой, и выглядела так, будто готовилась к бою. В глазах горел тот самый холодный, расчётливый огонь, который Александр уже научился узнавать — огонь человека, который привык побеждать.

— Александр Сергеевич, — сказала она, не здороваясь. — Вы готовы?

— К чему? — спросил он, оборачиваясь. — К тому, что вы будете убеждать людей, что их завод никому не нужен?

— Я буду убеждать их в том, что мы должны смотреть правде в глаза, — ответила она, подходя к столу. — Правда в том, что завод умирает. И если мы не начнём реформы сейчас — через полгода его закроют принудительно. Я предлагаю выход. Вы же предлагаете только отсрочку.

— Я предлагаю не бросать людей на произвол судьбы, — сказал Александр, и в голосе его прозвучала та стальная нота, которую он сам в себе ненавидел. — Вы никогда не были в цеху, Анна Сергеевна. Вы никогда не видели, как рабочие плавят сталь, как они выходят из смены, уставшие, но счастливые, потому что сделали дело. Вы видите только цифры. А я вижу людей.

— Люди — это и есть цифры, — сказала она, и в голосе её впервые прозвучала не сталь, а что-то похожее на усталость. — Я знаю, что это жестоко. Но если мы не будем считать — мы не сможем спасти никого. Ваше сердце, Александр Сергеевич, не заменит экономику.

Она развернулась и вышла из кабинета. Александр остался один. Он посмотрел на часы — до начала собрания оставалось десять минут. Он взял папку с документами, поправил галстук и пошёл в зал.

Зал совещаний был набит до отказа. Депутаты, директора заводов, журналисты, представители общественности — все ждали, что скажет эта странная женщина из Москвы. В воздухе пахло табаком, потом и напряжением. Когда Александр вошёл и сел во главе стола, гул стих.

Анна стояла у трибуны. Она держалась уверенно, как человек, который привык выступать перед большими аудиториями.

— Уважаемые товарищи, — начала она, и голос её звучал чисто и звонко, — я здесь, чтобы говорить о будущем нашего района. Я знаю, что многие из вас боятся перемен. Но перемены неизбежны. Наш завод, который когда-то был гордостью области, сегодня стоит на грани банкротства. Я приведу цифры, которые говорят сами за себя.

Она начала зачитывать отчёт: снижение производительности, рост затрат, отсутствие модернизации. В зале становилось всё тише. Кто-то опустил глаза, кто-то сжал кулаки. Когда она закончила, повисла тяжёлая, давящая тишина.

— Что вы предлагаете? — спросил кто-то из депутатов.

— Я предлагаю провести реформы, — сказала Анна. — Сократить персонал, приватизировать часть активов, найти инвестора. Это позволит сохранить завод, но в новом качестве. Да, это будет больно. Но это лучше, чем закрытие.

— Вы предлагаете уволить людей! — закричал кто-то из зала. — Вы хотите, чтобы наши семьи голодали?!

— Я хочу, чтобы они не голодали завтра, — ответила Анна, и в голосе её не было истерики. Была спокойная, ледяная уверенность. — Завтра, если мы ничего не сделаем, они будут голодать точно. Разница только в том, что сегодня у нас есть выбор.

Зал взорвался. Люди кричали, стучали кулаками по столам, кто-то вскочил с места. Александр сидел неподвижно, глядя на Анну, и вдруг понял, что она не враг. Она — диагност. Она говорит правду, даже если эта правда болезненна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.